

ВОПРОСЫ
ГЕОГРАФИИ

Сборник 159

**НООСФЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
В.И. ВЕРНАДСКОГО ПОСЛЕ
ГЛОБАЛИЗМА**

Ответственные редакторы:

академик В.М. Котляков

В.А. Шупер

МОСКВА
Медиа-ПРЕСС
2024

УДК 910+913+551.43

ББК 26.8

В74

ISSN 0372-5758

Рекомендовано Учёным советом Русского географического общества

Рецензенты

доктор географических наук Б.И. Кочуров

доктор географических наук П.М. Полян

Вопросы географии / Русское географическое общество. – Москва.

Издаётся с 1946 года.

В74 Сб. 159. Ноосферная концепция В.И. Вернадского после глобализма / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2024, 320 с.

В.

ISBN 9

Problems of Geography / Russian Geographical Society. – Moscow.
Published since 1946.

Vol. 159. V.I. Vernadsky's Noospheric concept after globalism / Eds.
V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper. – M.: Media-PRESS, 2024, 320 p.

In

ISBN 9

© Авторы статей, 2024

© Authors of papers, 2024

© Русское географическое общество, 2024

© Russian Geographical Society, 2024

Содержание

<i>В.М. Котляков, В.А. Шупер.</i> Фрагментация ноосферы (Введение к книге)	9
<i>С.А. Караганов.</i> В Евразию с интеллектуальной свободой	28
<i>А.В. Фененко.</i> Феномен и парадоксы «информационных войн»	51
<i>А.Г. Бакланов.</i> Академик Лаврентьев: проект планетарного формата в эпоху перемен ...	71
<i>Н.И. Кузнецова.</i> Концепт ноосферы в потоке контекстов и интерпретаций	97
<i>А.А. Тишков.</i> Опередивший время: идеи В.И. Вернадского и география как наука будущего	124
<i>А.Г. Дружинин.</i> Ноосферная концепция В.И. Вернадского и евразийство: актуальные грани сопряжения	157
<i>А.Б. Савченко, Т.Л. Бородин.</i> Русский Космизм как инструмент развития концепции Ноосферы	181
<i>А.Б. Лихачева.</i> Карательная экономика и недоверие как основа взаимодействия?	209
<i>И.Н. Тимофеев.</i> Политика санкций и наследие Золотой орды	218
<i>В.А. Шупер.</i> Пространство и время во внутренней геополитике	225
<i>Б.Е. Бураков.</i> Радиоактивные отходы и кризис мышления	243
<i>Я.Д. Лисоволик, О.А. Подберезкина.</i> Цивилизационные и цифровые коридоры в Евразии	254
<i>А.Н. Пилясов.</i> Инновационные факторы современного страногенеза	294
Сведения об авторах	318

УДК 141.2: 316.4

Ноосферная концепция В.И. Вернадского и евразийство: актуальные грани сопряжения

© 2024 г. А.Г. Дружинин

Южный федеральный университет; Институт географии РАН

V.I. Vernadsky's noospheric concept and Eurasianism: actual faces of the interface

A.G. Druzhinin

Southern Federal University; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

e-mail: alexdru9@mail.ru

Summary. The large-scale metamorphoses of the modern geopolitical and geo-economic world order and the changing place of Russia in it initiate a renaissance of the ideas of Eurasianism, requiring their simultaneous rethinking and correction. V.I. Vernadsky's general conceptual approaches and philosophical ideas about the biosphere and the noosphere can also become an intellectual foundation for this. The article describes their connection with the views of the classics of Eurasianism (P.N. Savitsky, N.S. Trubetskoy, G.V. Vernadsky, etc.), with the scientific positions of L.N. Gumilev. The possibility of applying V.I. Vernadsky's views on the "Ukrainian question" to modern realities is shown. The potential of V.I. Vernadsky's noospheric concept in the further development of Eurasian ideas, in the formation of the contour of "Greater Eurasia" is emphasized.

Keywords: *Eurasianism, V.I. Vernadsky, geopolitics, Russia*

Резюме. Метаморфозы современного геополитического и геоэкономического мироустройства и меняющееся место в нём России инициируют ренессанс идей евразийства, требуя одновременного их актуализации и коррекции. Интеллектуальным фундаментом для этого способны стать в том числе и общеконцептуальные подходы и философские идеи В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. В статье охарактеризована их сопряжённость с взглядами классиков евразийства (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецким, Г.В. Вернадским и др.), с научными позициями Л.Н. Гумилёва. Показана степень возможности аппликации к современным российским реалиям взглядов В.И. Вернадского на «украинский вопрос». Акцентирован потенциал ноосферной концепции В.И. Вернадского в дальнейшем развитии евразийских идей, включая формирование контура «Большой Евразии».

Ключевые слова: *евразийство, В.И. Вернадский, геополитика, Россия*

Введение

Всплеск научного таланта и интеллектуальной активности академика В.И. Вернадского (по многим позициям – наиболее яркого и продуктивного отечественного интеллектуала конца XIX – первой

половины XX столетия) пришёлся на один из сложнейших и судьбоносных для России периодов её истории, характеризуемый не только масштабными политико-экономическими, социокультурными и общественно-географическими изменениями, но и фактически имевшей место целенаправленной, системной, продуктивной попыткой осмысления феномена России, геокультурной сущности, геоэкономической специфики и геополитических интересов нашей страны в рамках идеологем нарождающегося *евразийства*. Сам же Владимир Иванович оказался при этом не только современником, очевидцем (будучи отцом историка Г.В. Вернадского, одного из ведущих авторов «евразийских» текстов) и отчасти «совыразителем» зарождения и культивирования евразийских идей, но и, по целому ряду моментов, интеллектуальной предтечей их последующего развития.

Научному наследию В.И. Вернадского посвящена обширнейшая и разнообразная по своей тематике обзорно-аналитическая литература (Баландин, 1979; Казначеев, 1985; Лапо, 2000; Пузаченко, 2013; Чумаков, 2013; Шепелев, 2014 и др.), вмещающая в том числе редкие попытки рассмотрения геополитических воззрений Владимира Ивановича (Поварницын, 2015; Рябцев, 2018), равно как и сопряжённости его научной позиции с теорией этногенеза Л.Н. Гумилёва (Пилясов, 2014), плотно укоренённой в систему доминирующих ныне «евразийских» представлений. Данное же, предлагаемое вниманию читателя исследование (презентуемое в формате отдельной статьи и опирающееся на сфокусированный анализ как совокупности публикаций, вмещающих основной пласт научного наследия академика В.И. Вернадского (Вернадский, 1978; Вернадский, 1987; Вернадский, 1988а; Вернадский, 1988б; Вернадский, 1989; Вернадский, 1991), так и обобщении наработанной за последние три десятилетия собственно авторской позиции относительно евразийских детерминант и векторов развития России, трансформации её пространства, равно как и наследия классиков евразийства, направлений его актуализации (Дружинин, 1996; Дружинин, 2012; Дружинин, 2013; Дружинин, 2016; Дружинин, 2020; Дружинин, 2021а; Дружинин, 2021б), лишь отчасти пролонгирует общий «мемориальный» тренд. Его основная цель состоит в оценке возможности аппликации потенциала работ В.И. Вернадского (его представлений о «биосфере» и «ноосфере») в интересах дальнейшего развития россиеориентированных геополитических установок и подходов (включая формирование содержательного контура «Большой Евразии»), в

выявлении степени сопряжённости культивируемых В.И. Вернадским идей с мировоззренческими постулатами евразийства, обосновании потенциала и направлений их коррекции с учётом современных реалий.

Научные воззрения В.И. Вернадского и идеологемы классического евразийства: грани сопряжения

Внимательное прочтение текстов В.И. Вернадского позволяет идентифицировать единую интеллектуальную платформу *славянофильства* (и, соответственно, присущего данному течению отечественной мысли второй половины XIX столетия неприятия доминирования ограниченной группы европейских государств в общемировых культурных и иных процессах), на которой выкристаллизовывалось миропонимание как самого Владимира Ивановича, так и более юной по отношению к нему (с дистанцией в поколение) генерации основоположников учения, известного ныне как **классическое евразийство**, по замыслу его соразработчиков, «политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира» (Исход к востоку, 1921, с. 7), стремящееся «осознать и осмыслить выход России из рамок современной европейской культуры» (На путях, 1922, с. 9), а также «раскрепостить человечество от культурной гегемонии Европы» (На путях, 1922. С. 127–128).

Подобного рода пафос идеологов евразийства (составлявший базовый, сердцевинный элемент всей культивируемой ими доктрины) был, вне сомнения, близок и миропониманию Владимира Ивановича. «Становится ясным, – подмечал он, – что в области истории точного знания и техники роль и значение работы, происходившей среди славянских народов или в области культурного влияния Византии, значение далёкого востока Азии и Индии не охвачено мыслью в достаточной мере и должно изменить наши господствующие представления о ходе мировой научной работы» (Вернадский, 1981, с. 291). Это высказывание относится, кстати, к 1921 году, то есть хронологически совпадает с изданием сборника «Исход к Востоку» (авторы – П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.Н. Сувчинский и Г.В. Флоровский), ставшего первой коллективной манифестацией евразийских идей. «Мы не верим, – постулировал в нём П.Н. Савицкий, – чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными носителями культуры» (Исход к востоку, 1921, с. III). Немногим ранее тезис о «равно-

ценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара» (Трубецкой, 1920, с. 42), формулировал также князь Н.С. Трубецкой, подчёркивая, что «нет низших и высших. Есть только похожие и непохожие».

Аналогично классикам евразийства В.И. Вернадский в должной мере осознавал и признавал «единство и равенство по существу, в принципе всех людей, всех рас» (Вернадский, 1991, с. 33). «На протяжении столетий, – акцентировал он, – христианские государства белой расы практически вели всю колониальную политику, признавая равенство на словах, беспощадно угнетали и истребляли и эксплуатировали народы и государства небелой расы» (Вернадский, 1991, с. 41). Но, при этом, обладая практическим *общепланетарным масштабом* мышления, ощущая и понимая (будучи глубоко погружённым в исследовательский процесс, великолепно зная историю развития науки) не только стратифицированность человечества, но и его системную общность, Владимир Иванович совершенно неслучайно делал основной, первоначальный акцент именно на «единстве», а уже во вторую очередь – на «равенстве». Вероятно, в этой же связи, В.И. Вернадский оставался достаточно равнодушным к позиции сына и его сподвижников, подчёркивавших, что наша страна (в её предельном контуре Российской Империи) – это «не Европа, а «Евразия»... Россия составляет «континент в себе», в определённом смысле «равноправный Европе...» (Исход к востоку, 1921, с. 2).

Будучи, вне сомнения, хорошо информированным (в том числе по каналам внутрисемейной коммуникации) о базовых постулатах евразийства и их последующей эволюции, В.И. Вернадский, как представляется, симптоматично не разделял именно эту, ключевую позицию евразийской доктрины – геополитически ангажированное и геокультурно сфокусированное определение (обособление) «Евразии», «Евразийского мира», представляющего собой (согласно Н.С. Трубецкому) «замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно – Европы, так и собственно – Азии» (Трубецкой, 1925, с. 52). Не случайно в 1938 г. Владимир Иванович писал: «я понимаю Евразию как географический термин» (Вернадский, 1981, с. 274). Этой фразой он, кстати, продемонстрировал не только владение современной ему топонимией, но и знание сложившейся *омонимичности «Евразии»*, понимание значения (и содержательного наполнения), придаваемого этому географическому

таксону апологетами евразийства, которое Владимир Иванович, что явствует из подтекста его высказывания, тем не менее, скорее, не принимал, не поддерживал.

Впрочем, В.И. Вернадский не был и «западником» (в понимании той эпохи); его представления о мироустройстве в существенной мере преодолели превалирующий в среде российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. «европоцентризм» (к чему, кстати, также неизменно и настойчиво призывали классики евразийства).

«Раньше, – подчёркивал Владимир Иванович, – концепции и представления о прошлом человечества сосредоточивались в истории европейской. Эта европейская история казалась всемирной... Сейчас можно считать, что это ограниченное изучение истории кончилось (Вернадский, 1981, с. 240). Провозглашая неприятие однозначного доминирования лишь одного из ареалов развития человечества, В.И. Вернадский выступал, тем самым, безусловной интеллектуальной предтечей современной нам, набирающей силу (в том числе в связи с экономическими, политическими и военно-технологическими обстоятельствами) идее о *многополюсном мире*. Классики евразийства, оперируя формулой «Россия = Евразия» по-иному, с другими акцентами и декларируемыми целями, но действовали, фактически, в аналогичном же русле. Но, при этом, в отличие от Владимира Ивановича, в логике своей идеологической позиции, в планетарном масштабе они выступали *регионалистами* (если рассматривать Евразию как особый геополитический регион, как самостоятельную цивилизацию) и, одновременно, *государственниками*, своего рода *россиецентрированными регионалистами-государственниками*.

Присущий мировосприятию В.И. Вернадского целевой горизонт был изначально иной, чем у классиков евразийства, а строго в географическом смысле – шире, таксономическим уровнем выше. Ориентируясь на сущностные характеристики науки, учитывая логику её развития и создав, развив на этой основе собственную оригинальную, во-многом обращённую в будущее *ноосферную концепцию*, академик Вернадский, проявляя *полимасштабность своего мышления*, подмечал, что «как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть в пределе столько же, учитывая оттенки, сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов. Но наука одна и едина» (Вернадский, 1991, с. 95).

Констатируя «резкое моральное разделение человечества на государственные сообщества разной морали» (Вернадский, 1991, с. 42), Владимир Иванович тем не менее полагал, что «мы находимся в условиях единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты. Как раз закончились сложные, частью в течение ряда поколений независимо и замкнуто шедшие исторические процессы, которые в конце концов в нашем XX столетии создали единое, неразрывно связанное целое» (Вернадский, 1991, с. 82). «Выступает новая идея, – подчёркивал он далее, – неизбежно, рано ли, поздно ли, но в государственно-реальное время побеждающая – идея о государственном объединении усилий человечества» (Вернадский, 1991, с. 84). Таким образом, В.И. Вернадский чётко осознавал и явственно признавал системоформирующую, конструирующую целостность человечества *роль государства*; эта позиция сближала его видением российской ретроспективы Г.В. Вернадского, с геополитическими идеями П.Н. Савицкого, то есть была комплементарна евразийству.

Постулируя «*вселенскость жизни людей*» (Вернадский, 1991, с. 82), в каком бы уголке планеты они ни находились, академик Вернадский был, вне сомнения, мыслителем, видящим, воспринимавшим мир во всём его разнообразии и многоцветии, во всей его региональной, этнокультурной и иной организованности и, при этом, своего рода «*глобалистом-незападником*», приверженцем *справедливого, полицентричного глобализма*, созвучного (как это виделось Владимиру Ивановичу) трендам и возможностям научного процесса. И эта его интеллектуальная позиция в современном нам контексте первой четверти XIX столетия не только выглядит чрезмерно оптимистичной, наивно романтической, во-многом дискуссионной, но и оказывается актуализированной и во всё возрастающей мере созвучной евразийской идее, новым трендам её развития.

Представления В.И. Вернадского о биосфере и их инкорпорирование в учение об этногенезе Л.Н. Гумилёва

Если с классическим евразийством, соотносимым главным образом с 1920-ми годами, причём иногда к евразийской «классике» относят и весь предвоенный период (Шупленков, 2012) идеи В.И. Вернадского, базируясь на единых гуманистических подходах, лишь частично перекликались, то в дальнейшем, уже во второй половине XX сто-

летия, они напрямую и весьма мощно повлияли на мировоззрение Л.Н. Гумилёва (характеризовавшего себя как «последнего евразийца» – (Лавров, 2000), историка, географа и этнолога, наполнившего концепт «Евразии» яркой фактурой о пространственно-временной динамике евразийских этносов, разработавшего оригинальное учение о характере и причинах этногенеза.

Весьма симптоматично и закономерно, что в своей обобщающей теоретической книге «Этногенез и биосфера Земли» (Гумилёв, 1989) Л.Н. Гумилёв многократно, целыми разделами апеллирует к наследию академика Вернадского, первостепенное внимание уделяя, прежде всего его пониманию феномена биосферы. Принципиально значимым для Льва Николаевича, замечу, в ней являлось многое.

Во-первых, понимание «всеобъятности» биосферы, согласно В.И. Вернадскому вмещающей в себя в том числе самого человека (инвариантного «живого организма»), рассматриваемого как «определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени» (Вернадский, 1991, с. 40).

Во-вторых, обособление в пределах биосферы неких «естественных тел», определяемых как «всякий логически отграниченный от окружающего предмет, образовавшийся в результате закономерных природных процессов, в биосфере или вообще в земной коре происходящих» (Вернадский, 1991, с. 151).

В-третьих, предлагаемая академиком Вернадским постановка вопроса о некоей особой *биогеохимической энергии*, которая «охватывает всю биосферу и определяет в основном всю ее историю» (Вернадский, 1991, с. 126).

В-четвёртых, акцент на фактор времени (явления, отвечающие жизни, подчёркивал В.И. Вернадский, будут необратимы во времени (Вернадский, 1991, с. 171)»). «Основное свойство материальной среды, научно изучаемой, – констатировал Владимир Иванович, – закономерная брэнность всех её проявлений» (Вернадский, 1988 б, с. 229).

Все эти принципиальные мировоззренческие позиции были Л.Н. Гумилёвым учтены, восприняты и в той или иной мере инкорпорированы в собственные «евразийские» интеллектуальные конструкты. Так, осмысливая и развивая биосферный подход, Л.Н. Гумилёв культивировал понимание этноса как части природы, то есть «биофизической реальности, неизменно облеченной в ту или иную социальную оболочку». Яркая, до сих пор не лишённая дискуссионности идея-догадка Льва

Николаевича о «пассионарности» как особом биологическом признаке и ключевом факторе этногенеза (энергии живого вещества (Гумилёв, 1989)) при этом была абсолютно созвучной тезису Владимира Ивановича о наличии феномена «пульсаций талантливости» как природного процесса, части биосферы (Вернадский, 1981, с. 234).

«Через столетия, – подмечал В.И. Вернадский в одной из работ, датированных 1926 годом, – повторяются периоды, когда скопляются в одном или немногих поколениях, в одной или многих странах богато одарённые личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу. Их рождение есть реальный факт, теснейшим образом связанный со структурой человека, выраженной в аспекте природного явления. Социальные и политические условия, позволяющие проявление их духовного содержания, получают значение только при его наличии» (Вернадский, 1991, с. 233). Схожие, хотя и несколько видоизменённые представления продвигал Л.Н. Гумилёв, на обширнейшем фактологическом массиве этнической истории (сфокусированном на Евразии, евразийском пространстве, становлении в его пределах собственно самой России (Гумилёв, 1989; Гумилёв, 2003) всячески подчёркивая, при этом, что феномен этноса не в телах людей, а в их поступках и взаимоотношениях.

В.И. Вернадский концентрировал внимание, разумеется, не на этносах, а на научном процессе, на проблематике перехода биосферы «в новое состояние – ноосферу» (Вернадский, 1991, с. 20). Апеллируя к историческим фактам и примерам, он подчёркивал, что «нельзя искать причин... упадка [науки – А.Д.] в нашествии вражеских народов, иногда не имевших место; они кроются глубже. Они связаны с изменением психологии народа и общества, с изменением духовного интереса личности, с ослаблением того усилия, той воли, которое поддерживает научное мышление и научное изыскание, как поддерживает она всё в жизни человечества!» (Вернадский, 1981, с. 74–75). В этой связи прав, абсолютно прав А.Н. Пилясов, полагая, что «без работ В.И. Вернадского по энергии живого вещества не было бы и концепции пассионарности в теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Вся концепция пассионарности этноса может рассматриваться как частный (конкретный) случай проявления энергии живого вещества» (Пилясов, 2014, с. 98).

Предлагая и обосновывая ноосферную концепцию, В.И. Вернадский логическим образом акцентировал внимание на социальных, психологических факторах развития научного процесса, на его

пространственно-временной динамике и, соответственно, субпланетарных, региональных особенностях. Учитывая его фундаментальные научно-теоретические наработки, Лев Николаевич Гумилёв, в свою очередь, развивал и дополнял подходы классиков евразийства представлениями о ритмике (цикличности) этногенеза, о биосоциальной сущности компонент этносферы (понимая последнюю как сочетание системных этноландшафтных целостностей), о пассионариях и пассионарности, равно как и о неизбежности смены присущего каждому конкретному этносу стереотипа поведения, который закономерно меняется в историческом времени (Гумилёв, 1989 б)

Базирующееся на интеллектуальном наследии В.И. Вернадского «евразийство» Л.Н. Гумилёва – это не только мощное дополнительное историко-фактологическое обоснование классических евразийских идеологем, не только успешное наполнение концепта «Евразия» многообразным и ярким этнологическим материалом, но и целостный инструментальный конструкт, позволяющий рассматривать евразийское пространство в его ретро- и перспективной динамике (в длительности, *длени* (Вернадский, 1988 б) как это применительно к биосфере, к её ноосферному состоянию формулировал сам В.И. Вернадский). Именно этот конкретно-исторический подход к евразийским структурам, процессам и идеям, предполагающий учёт их *эволюционной траектории* (и, соответственно, также сближающий мировоззрение В.И. Вернадского с дистанцированным от него на два последующих поколения Л.Н. Гумилёвым) весьма ценен применительно к интерпретации уже постсоветских, современных нам событий на евразийском пространстве, в череде которых ключевыми, безусловно, выступают российско-украинские отношения, с февраля 2022 г. обретшие формат жёсткого, бескомпромиссного военно-политического противостояния.

Взгляды В.И. Вернадского на «украинский вопрос» и их апликация к современным евразийским реалиям

Как подчёркивал ещё в первые постсоветские годы признанный идеолог американской геополитики Збигнев Бжезинский, главный «геополитический приз» для США – Евразия, причём именно Украина представляет собой «новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, без которой Россия перестаёт быть евразийской империей» (Бжезинский, 1999, с. 61).

Впрочем, безотносительно интересов и позиции наиболее значимого в глобальном масштабе «центра силы», сам по себе «украинский вопрос» для России – глубокий, пролонгированный, и хронологически, и сущностно в огромной мере выходящий за рамки самоопределения (и размежевания) возникших после 1991 года на евразийском пространстве новых независимых государств. Великолепной иллюстрацией и веским подтверждением тому служит относящаяся к 1916 году статья-декларация В.И. Вернадского «Украинский вопрос и русское общество», чьи положения в настоящее время не только актуализированы, но и требуют более расширенной интерпретации, учитывающей как всю многомерность взглядов Владимира Ивановича, так и радикально видоизменившиеся геополитические глобальные и евразийские обстоятельства, т.е. фактор времени.

Сравнительно лаконично изложенная позиция В.И. Вернадского по «украинскому вопросу» вмещает многое. Это и столь необходимая ныне для реалистичного восприятия ситуации констатация глубинности и устойчивости «украинского движения» (был бы жив ныне Л.Н. Гумилёв, он, возможно, подметил бы некую, пусть и стимулируемую извне, активизацию этногенеза на одном из важнейших рубежей традиционного поля российского суперэтноса), которое (согласно Владимиру Ивановичу) «органично и питается корнями народной жизни... оно никогда не угаснет» (Вернадский, 1990, с. 94). И понимание (к сожалению, сейчас уже в огромной мере архивное, корректное преимущественно в ретроспективе, в том числе советской), что «широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России», а «сохранить украинцев как русских Россия может лишь приняв их со всем национально-культурным обликом как украинцев» (Вернадский, 1990, с. 94). И, наконец, не верифицированная постсоветской траекторией убежденность Владимира Ивановича в том, что будущее не в русско-украинской распре, а в русско-украинском единении. Здесь, кстати, рискну оговориться, что в «национальном» вопросе Советская власть многое, в том числе в русле идей академика Вернадского, как представляется, делала правильно. Кроме, вероятно, одного, важного, предельно актуализированного уже для постсоветской Евразии момента – отнесения к соседствующим с РСФСР союзным республикам территорий с неявной, «размытой» этнокультурной идентичностью, что, уже спустя десятилетия, приумножило негативные последствия распада Советского Союза, усугубило условия развития современной России,

заложив в том числе «мины замедленного действия» по обширнейшим участкам её геополитического периметра.

Впрочем, за прошедший с момента изложения академиком Вернадским «украинского вопроса» хронологический период, действительно, изменилось многое: *сама Россия*, ощутило скукожившаяся в географических, демографических и экономических «размерах» и в существенной мере утратившая (в ритмике смены поколений и укоренения экзогенных для Евразии инноваций) былое влияние на сопредельные государства и проживающее в них население; *Евразия*, обретшая фактическую многополюсность и барьерность ряда внутренних рубежей, оказавшаяся (многочисленными своими фрагментами) под экономическим и политическим влиянием экзогенной силы; всё *планетарное мироустройство*, на рубеже XX–XXI веков впервые в глобальной истории полноформатно явившее контур единого геоэкономического порядка и доминирующей, аттрактивной для целого ряда стран (в том числе постсоветских) геополитической силы.

Параллельно с продолжающимися дистанцироваться друг от друга «осколками» СССР фактически появилось (демонстрируя свои амбиции, возможности и интересы) не просто «сверхбольшое государство» (в формате Евросоюза), но и сложился ещё более мощный распределённый квазигосударственный формат планетарного масштаба (глобализм, коллективный Запад), что само по себе неизбежно лимитировало интегративный потенциал Российской Федерации в пределах евразийского пространства (характерна, симптоматична в этой связи убеждённость В.И. Вернадского, что именно «большое государство» даёт такие возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности (Вернадский, 1990).

На этом фоне неизбежно эволюционировал (радикализировался, обретал межгосударственное звучание, одновременно выходя за рамки собственно Евразии) «украинский вопрос», вызревало (всё более «подпитываемое» и целеориентируемое ресурсом глобалистских сил) «украинство», мимикрировало отношение последнего к фундаментальному для него «российскому вопросу» (от робкого в рамках Российской Империи запроса на некую автономию, на возможность развития украинской культуры, до декларирования и отстаивания «незалежності України» и, далее, уже после распада СССР, конструирования её как, первоначально, «неРоссии» и далее – «антиРоссии»).

В этом меняющемся контексте в излагаемой В.И. Вернадским позиции сложно и заведомо непродуктивно пытаться найти готовую и действенную «рецептуру» для современных российско-украинских отношений, поскольку Украина (как территориальная общность и государственное образование), равно как и украинская культура (при всей её общегуманитарной самобытности и ценности), во-многом продолжая (в силу своего генезиса, сущностных черт, сил инерции) оставаться специфической, сепарированной, но, тем не менее, частью единого с Россией цивилизационного пространства, ныне выступает как отождествляющий себя с коллективным Западом инструмент и символ уже не столько «сдерживания», сколько тотального разрушения того столетиями функционировавшего «живого организма» (согласно биосферной теории В.И. Вернадского), который (благодаря классикам евразийства, а также творчеству Л.Н. Гумилёва) известен нам как «Россия = Евразия». И в силу этого, именно по этой причине, подчеркну, в структуре нынешней России (вынужденной отчаянно бороться за свой реальный суверенитет, противостоять внешней культурной ассимиляции и геополитической экспансии), *в контуре российской государственности могут оказаться бывшие украинские территории с их населением, но не может, не должно быть ни «Украины», ни, тем более, «украинства».*

Впрочем, актуальность сформулированных в статье «Украинский вопрос и русское общество» идей (равно как и в целом «ноосферных» постулатов В.И. Вернадского) продолжает иметь место для повышения долгосрочной витальности самой России, сохраняющей (подобно Российской Империи и Советскому Союзу) сущностные черты государственно организованного сообщества евразийских этносов и культур, для выстраивания нашей страной своей региональной и национальной политики.

Ноосферная концепция В.И. Вернадского и развитие евразийских идей в контексте третьего десятилетия XXI столетия

Время неизменно и бескомпромиссно «проверяет на прочность» не только этносы и государства, но и любого рода обусловленные их существованием интеллектуальные конструкты, в том числе евразийство, с конца 2000-х годов вновь оказывающееся в России всё более востребованным, популярным и, при этом, содержательно «размытым», вульгаризированным и, в этой связи, далеко не во всём адекватным ни текущим геополитическим реалиям, ни своим «классическим» фундаментам.

Современное состояние евразийских идей уместно охарактеризовать как фактический *пролонгированный кризис*, затронувший концептуальные, методологические их основания. В генезисе и проявлениях этой ситуации (равно как и в возможностях её преодоления) ряд немаловажных моментов, как видится, в той или иной мере сопряжён с научными установками, культивируемыми В.И. Вернадским, с его превалирующим миропониманием, включая представления о «биосфере» и «ноосфере».

Первое, что здесь наиболее значимо, это видение Владимиром Ивановичем «биосферной» сущности человека (а соответственно, в данной логике, как впоследствии постулировал Л.Н. Гумилёв, и этнических образований), что оказалось созвучным изначальному общему превалированию естественнонаучного, «естествоиспытательского» подхода к сердцевинному в евразийстве пониманию «Евразии» (феномену, подчеркну, отнюдь не физико-географическому!), к её делимитации, ритмике, перспективам этнической истории.

Актуальной и фундаментальной проблемой, проистекающей из подобной методологической установки (в случае её абсолютизации и примитивизации) является, при этом, к сожалению широко распространённая *редукция биосоциального к биологическому*, некий доминирующий в сознании современных исследователей (а взгляды основоположников евразийства, равно как и Л.Г. Гумилёва, если тщательно вникнуть, более сбалансированы) *природно-биологический детерминизм*, обретающий (при осмыслении этногенеза) выраженные черты *биосоциального фатализма*.

Этот в весомой мере присущий современным интерпретациям евразийства *симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма дезориентирует российское общество*, продуцирует в нём в целом обманчивое, контрпродуктивное (в том числе для реальной политики) видение некой природно-географической предначертанности, предопределённости (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и геополитических интересов России. Он же препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах будущего страны, укрепления её позиций и перспектив, в том числе в контуре непосредственно евразийского пространства.

Осмысление постсоветских общественно-географических метаморфоз, равно как и характера, тональности обширнейшего современного отечественного дискурса по «евразийской тематике» (только в базе

РИНЦ на декабрь 2023 года по запросу «Евразия» – 16798 статей, «евразийский» – 26693, «евразийство» – 3254) даёт возможность (определяет необходимость) вычлениить важнейшие, наиболее *актуализированные современные проблемные зоны в идеологемах евразийства*, обозначив их чередой неизбежно встающих перед исследователем вопросов.

Во-первых, требует своего прояснения дилемма: могут ли быть у Евразии (как её понимали классики евразийства) «естественные» (соотносящиеся с конфигурацией горных массивов, крупных рек, изотерм и др.) и, в этой связи, относительно устойчивые, неподверженные социальным обстоятельствам границы? Или же контур «евразийского пространства» по своей природе совершенно иной; он динамичен, являет переходные зоны, полимасштабные лимитрофы и предопределяется преимущественно современными идентичностями, политико-географическими рубежами, трансграничными природно-хозяйственными регионами, а также взаимопересекающимися сферами геополитического влияния?

Во-вторых, правильно ли, корректно ли вообще вести речь о некоей «Евразии» (как автономном, отличном от «Европы», от других крупных институционализированных общественно-географических структур евразийского материка) вне конкретного историко-географического контекста, вне российской государственности и русского этногенеза?

В-третьих, является ли Россия единственной доминантой в пределах подобным образом понимаемой «Евразии», или нашей стране, государству – есть (и сейчас, и, тем более, в перспективе) альтернативы? Не может ли современная российская «центральность» в Евразии (столь часто провозглашаемая, по многим аспектам – фактическая) впоследствии под воздействием комплекса экзогенных и эндогенных факторов трансформироваться в периферийность, а былой евразийский «центр силы», соответственно, оказаться лимитрофом?

В-четвёртых, извечен ли статус самой «Евразии» как одного из культурно-географических и геополитических макрорегионов нашей планеты? Не преувеличиваем ли мы меру стабильности идентифицируемых подобного рода культурно-географических образований?

В-пятых, каковы обстоятельства и где пределы «комплементарности» народов евразийского пространства?

В-шестых, имеются ли резоны и основания продолжать (несмотря на разрушение СССР и последовавшие за этим кардинальные изменения не только на постсоветском пространстве, но и в сопредельных странах) и далее рассматривать предложенную классиками «евразий-

ства» формулу «Россия = Евразия» как исходный концептуальный посыл и значимый стратегический ориентир для нашей страны?

В-седьмых, насколько оправданны утвердившиеся представления о строго заданной этапности этногенеза, его природной обусловленности (пассионарность), о неизбежной и всеобщей временной протяжённости («научно установленной», то есть, практически программируемой для конкретного этноса «сферой разума»). Не навредим ли мы, в частности, нашей стране, диагностируя текущее состояние, например, как «пассионарный спад» и, тем более «фаза обскурации» (а ведь именно так некоторыми аналитиками характеризовалось положение России в 1990-е годы)? Не окажемся ли мы, напротив, чрезмерно оптимистичными, полагая, что впереди у нас гарантированная «золотая осень», а не жёсткая перманентная борьба за выживание в глобальной конкуренции в условиях ограниченных, сокращающихся (в межстрановых сопоставлениях) ресурсов, в первую очередь – демографических?

В-восьмых, так ли фатально неизбежен, необратим «пассионарный спад»? Возможны ли социальные механизмы и технологии обеспечения (максимально возможной пролонгации) витальности для конкретного (в том числе и русского) этноса?

Дискуссионных областей у современного евразийства, в итоге, немало. Усугубляет ситуацию и всё более очевидная «пробуксовка» постсоветского реинтеграционного (под евразийскими лозунгами) проекта, ставящая под сомнение обоснованность и реалистичность «неоевразийских» подходов и идей, наиболее активно продвигаемых в конце прошлого – начале этого столетия (Дугин, 1996; Дугин, 2002). Противоречивость и транзитивность геополитической ситуации в современной, обретающей многополюсные черты Евразии (с характерным для двух последних десятилетий сдвигом «демографической массы» и социально-экономической активности на её восток, юго-восток и юг) сопровождается, при этом, дальнейшей «*мимикрией*» *евразийства*, попытками вменить в его формат (прежде всего, в укоренённую понятийно-терминологическую «оболочку») новые, подчас диаметрально противоположные по целевым векторам и ареалам развёртывания явления и идеи.

Речь идёт, прежде всего, об укореняемом в отечественном дискурсе с рубежа 2015–2016 гг. (Ефременко, 2016; Караганов, 2020) концепте «Большой Евразии» как, отчасти, осмыслении фактического усиления глобальной значимости локализованных в пределах евразийского матери-

ка государств и их группировок, наращивания сопряжённости (в первую очередь экономической, внешнеторговой) с ними Российской Федерации, отчасти – антитезе и замене в тот период стремительно утрачивавшей связь с реальностью идеологемы «Большой Европы» (единого пространства между Лиссабоном и Владивостоком, в котором Россия выполняла бы миссию трансконтинентального связующего звена (Ильин, 2015)).

Именно *культивирование представлений о «Большой Евразии»*, подчеркну, *оказалось наиболее логичным и корректным направлением развития евразийской идеи*, став, одновременно, маркером и целеориентирующим конструктом многовекторных (при том, что до 95% внешнеторгового оборота нашей страны приходится именно на страны евразийского материка (Дружинин, 2021)) взаимодействий Российской Федерации, причём с возрастающей их асимметрией в пользу Китая.

Пролонгируя и на новом крутом зигзаге истории в существенной мере реанимируя евразийскую интеллектуальную «классику», *концепт «Большой Евразии»*, тем не менее, *знаменует собой и выраженный отход от ключевых географических подходов и категорий евразийства*. Дело в том, что при всей разнородности бытующих ныне представлений о «Большой Евразии», включая её делимитацию (Дынкин и др., 2018), а также место и роль в этой структуре Китайской Народной Республики, равно как и непосредственно самой России (Безруков, 2018; Вардомский, 2019; Котляков, Шупер, 2019; Торкунов и др., 2020; Лукин, 2020), последние в существенной мере объединяет фактическая доминирующая физико-географическая интерпретация её предельного географического контура (поскольку фокус на материке, а не на некоей «России = Евразии»), уводящая евразийство (как совокупность идеологем) в иную не только пространственную, но и в целом смысловую плоскость.

Воплощением доминанты природоведческого подхода в «евразийской тематике» (в ущерб единственно на наш взгляд корректному – обществу-географическому) стало и продвигаемое некоторыми обществоведами (Замятин, 2023) в более широком контексте осмысления «северности» России (Головнёв, 2022) давно и массово применяемое в естественных науках словосочетание «Северная Евразия». Принципиальных стратегических, методологических последствий у подобного тренда, полагаю, два. Во-первых, он задаёт ментальный фон для обособления, автономизации России в Евразии (в русле геополитического концепта «острова России» (Цымбурский, 2007), причём в том числе и в контуре непосредственно постсоветского пространства (благоприятствуя, тем

самым, вытеснению Российской Федерации из её «южного подбрюшья», минимизируя южный вектор нашего цивилизационного взаимодействия и развития). Во-вторых, концепт «Северной Евразии» обеспечивает фокусировку внимания не столько на освоенной русской культурой и цементируемой российским государством территории (чётко очерчиваемой ключевым для нас топонимом «Россия»), сколько на в целом присущих северу слабозаселённых и геополитически и этнокультурно обезличенных пространствах с превалированием ареалов «дикой природы» (как бы потенциально предрасположенных для своего геоэкономического «освоения», равно как нового геополитического «дележа»).

Апеллируя к потенциалу научного мировоззрения В.И. Вернадского, к его «ноосферным» представлениям, хотелось бы в данном случае подчеркнуть актуализированную вышеизложенным контекстом необходимость ускоренного перевода «евразийской тематики» из ныне превалирующей *геоидеологической* плоскости в собственно *научно-исследовательскую* сферу, предполагающую опору на строгую фактологию и обязательную верификацию любого рода теоретических конструктов. В этом плане перспективы и задачи евразийства (являющегося, как справедливо полагал С.Б. Лавров (Лавров, 1993), одним из сердцевинных элементов российской геополитики) во-многом связаны с дальнейшим (мотивированным, целеориентированным, но, при этом, внятным, корректным) *самопознанием России*, её евразийской сущности, местоположения, позиций, сфер интересов, ареалов, линий и центров трансграничного и кросскультурного взаимодействия.

Концепция В.И. Вернадского вмещает и ещё один весьма важный для понимания вектора эволюции евразийских идей и приоритетов их развития момент – понимание становления ноосферы как «естественного» процесса *повышения в биосоциальном собственно социокультурных, духовных начал*.

Прошедшие с момента завершения творческого пути В.И. Вернадского (1945 г.) восемь десятилетий убедительно подтвердили верность акцентированного им видения всё возрастающей, системообразующей роли науки в современном мире, в траекториях развития и геостратегическом «весе» отдельных государств и их группировок. Усилилось и в целом воздействие информационных, интеллектуально-технологических и иных аспектов коллективной «сферы разума» (уже к концу прошлого столетия обретшей облик глобальной сетевой структуры, а ныне технологизируемой, в том числе в формате искусственного интеллекта)

на социально-экономические, политико-географические и, наконец, что в данном случае особенно важно, этнокультурные процессы.

Контролируемый и конструируемый властвующими элитами «ноосферогенез» создаёт всё возрастающие возможности непосредственного влияния на социальные процессы и структуры (включая территориальные идентичности), корректируя и задавая, тем самым, в том числе ход этнических процессов. Наиболее близкая и убедительная иллюстрация тому – современные метаморфозы «украинства», хотя, к примеру, аналогичный тренд имеет место (как акцентировано (Гнято, 2021)) и на пространстве Балканского полуострова. «Ноосферогенез» и в такой сложной, множеством обстоятельств предопределяемой сфере как биосоциальная – стал проявлять себя в качестве доминантного, требующего обязательного учёта фактора.

Параллельно, именно в последние десятилетия, оказался наиболее очевиден диссонанс между динамикой научного познания, генерируемыми наукой результатами, с одной стороны, и реалиями общественного развития, многочисленными негативными (в том числе напрямую относящимися к «биосфере») его проявлениями, с другой. «Так ли уж разумна «сфера разума» (Ефремов, 1966)? Этот озвученный ещё в СССР в романтично-динамичные 1960-е годы вопрос стал особо актуализированным в XXI столетии, в том числе применительно к евразийскому пространству, к России. Тем более, что современная наука предстаёт не только предельно подверженной внешним социально-политическим манипуляциям, по целому ряду аспектов геополитически ангажированной, но, и несмотря на фиксируемую в последние годы (Maisonobe, 2017) деконцентрацию (в частности по публикационной активности, когда такие страны как Китай, Индия, Иран и Россия в течение ряда последних лет демонстрируют динамику, в 2–3 раза опережающую среднемировую темп (White, 2019)), сохраняющей выраженную пространственную поляризованность (Wuestman et al., 2008). Показательно, в этой связи, что согласно AD Scientific Index за 2023 год¹, в кагорту 10% «лучших учёных мира» включены 49653 исследователя из США, 10921 из Великобритании, 6883 из Германии и, наряду с этим, лишь 6285 из Китая, 1070 – Ирана, 772 – Турции и 532 – России.

Центро-периферийное (в страновом, региональном и этнокультурном «разрезах») структурирование науки, её результатов (причём, в особой мере, воплощённых в экономику), а также самих исследовательских

¹ <https://www.adscientificindex.com/country-ranking/>

сообществ – и поныне благоприятствует привилегированным геополитическим и геоэкономическим позициям США и ряда других ведущих государств «коллективного Запада», ограничивает потенциал перехода человечества к реальной многополярности. Наука выступает эксклюзивным инструментом нашего «евразийского самопознания», но она же (как столетиями складывавшийся во многом «западоцентрированный» социальный институт) – объективным образом тормозит его, вносит в него деструкцию, элементы искажения. И в этой связи при любом (пусть и максимально «продвинутом») уровне развития «мировой науки», её соответствующих разделов, при заведомой малочисленности нашего отечественного научного сообщества – осмысливать мироустройство, феномен евразийского пространства и место в нём России нам, российским исследователем, предстоит главным образом самостоятельно, с учётом общепланетарной фактологии и научных наработок, но никак не с безусловной оглядкой на идущие извне установки и веяния.

Ноосферогенез, как он виделся академику Вернадскому, равно как и подчас упрощённо, вне учёта сложной полимасштабной пространственной организации общества интерпретируется в некоторых современных текстах (определяющих «ноосферу» в качестве «целостного глобально-планетарного мира» (Ильин и др., 2014, с. 43)), находится, в этой связи, в определённом объективном противоречии с интересами самопознания и развития крупных, планетарно значимых, взаимообусловленных, но, при этом, относительно обособленных культурных (хозяйственных, политических) пространственных целостностей, бытие одной из которых (относительно не доминирующей) и провозглашается, осмысливается идеологемами евразийства.

Характерно также, что именно в последние десятилетия сфера общественного сознания, в общем русле ноосферогенеза обретающая «вездесущность» и, одновременно, всё большую способность влиять на социальные (биосоциальные) процессы, продолжала (с нарастающей интенсивностью) декларировать свой научный генезис, научное содержание, параллельно всё шире и основательнее выходя за тот контур и сущностные характеристики науки, который виделся ведущим мыслителям-естествоиспытателям в начале XX столетия, который разделял и продвигал В.И. Вернадский. Логичной результирующей данного тренда стало укоренение установок и когнитивных конструктов постмодерна.

Если в предшествующие эпохи территории (общественно-географические объекты, в том числе подобные «Евразии» в её геокультурном,

геополитическом понимании) «открывались» квалифицированными исследователями (что, практически, и сделал первоначально В.И. Ламанский (Ламанский, 1892), а вслед за ним, через тридцать лет и основоположники евразийства) и, уже в ранний советский период, своими узловыми фрагментами отчасти «конструировались» (что иллюстрирует, в частности, теория территориального производственного комплекса Н.Н. Колосовского), то с позиций превалирующих ныне мировоззренческих установок вопрос о «Евразии» (не материке!), попытка её идентификации – обречён восприниматься многими экспертами скорее лишь инвариантной производной «игры разума», обусловленной локальной традицией, интересами конкретного государства, а также предпочтениями исследователя (разделяющего и развивающего определённую идеологическую, geopoliticalическую позицию).

Резко активизировавшаяся в последние годы борьба за Евразию (геополитическая и геоэкономическая) сочетается, в этой связи, с дальнейшим фактическим методологически обусловленным *«расшатыванием»* и *«растаскиванием»* евразийской идеи, а, соответственно, и её купированием, искажением, маргинализацией, обесцениванием.

Завершая, и вновь констатируя, в этой связи, высокую степень сопряжённости ключевых идей В.И. Вернадского о «биосфере» и «ноосфере» с идеологемами евразийства, хотелось бы подчеркнуть, что Евразия (если вести речь не о материке в целом) изначально не существует, равно как и не может рассматриваться вне системы пролонгированных геокультурных, geopoliticalических структур и процессов. Она являет собой динамичный и сложно структурированный *общественно-географический конструкт*, в котором в равной мере значимы как включаемые в него материализованные пространственные социально-экономические и этнокультурные объекты, так и сам его концепт, когнитивная презентация, образ, имидж. Главной же *сущностной характеристикой «Евразии»* (как столетие назад, так и в нынешней ситуации) является именно её *«россиицентричность»* в том смысле, что вне России (её бытия, пространственной саморефлексии, интересов, этнокультурной специфики) любые рассуждения о субматерике «Евразия», о евразийском пространстве (как актуальной и самобытной целостности) не просто абстрактны, но и лишены резона и смысла. Но Россия – это не столько *конкретная территория* (как ни привычен и отраден впечатляющий своими сопоставимыми габаритами картогра-

фический образ нашей страны) с её ландшафтами, производственными, инфраструктурными и селитебными объектами, сколько *моно-поликомпонентный этнокультурный организм* (цементируемый русской культурой, интегрируемый российской государственностью, «живой», обладающий биосферной сущностью, а, соответственно, и борющийся за пролонгированное, достойное настоящее и будущее) и, в ещё более значимой мере (с позиций «ноосферного развития») – *идея России*, как представляется, *наиболее последовательно и системно развиваемая именно в рамках евразийства, концепта Евразии.*

Исследование выполнено в рамках проекта Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (FMGE-2019-0008) 2019 / 2023 (AAAA-A19-119022190170-1).

Литература

- Баландин Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: Знание, 1979. 93 с.
- Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и прир. ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.
- Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция и большое евразийское партнёрство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 9–26.
- Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987. 340 с.
- Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 347 с.
- Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
- Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988а. 336 с.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988б. 529 с.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 265 с.
- Вернадский В.И. Эти голоса не были услышаны [Украинский вопрос и русское общество] // Родина. 1990. № 1. С. 90–95.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.

- Гнято Р. Культурные ассимиляции, искусственные этногенезы и геноцид сербского народа – средство геополитики или геополитическая цель // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб., 2021. С. 237–250.
- Головнёв А.В. Северность России. Санкт-Петербург. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2022. 450 с.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печатный Двор). 606 с.
- Дружинин А.Г. Русский регионализм: явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 5–18.
- Дружинин А.Г. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л.Н. Гумилёва // Вест. СПб ун-та. Спец. вып. К 100-летию Л.Н. Гумилёва. 2012. С. 51–57.
- Дружинин А.Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вест. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
- Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 228 с.
- Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та. 2020. 268 с.
- Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та. 2021а. 270 с.
- Дружинин А.Г. Евразийство Л. Н. Гумилёва: магистральные идеи и потенциал их современной аппликации // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7 (17). Вып. 4. 2021б. С. 5–15.
- Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.
- Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
- Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24.

- Ефременко Д.В.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 6. С. 28–45.
- Ефремов Ю.К.* Ландшафтная среда нашей планеты // Природа. 1966. № 8. С. 45–54.
- Замятин Д.Н.* Северная Евразия на стыках планетарных геокультур: сопостранственность и пограничность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 103–117
- Ильин Е.Ю.* Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 84–92.
- Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Ноосферогенез как глобальный процесс (концепция нооглобалистики) // Вест. МГУ. Сер. XVII. Глобалистика и геополитика. 2014. № 1/2. С. 33–50
- Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.
- Казначеев В.П.* Учение о биосфере (Этюды о научном творчестве В.И. Вернадского). М.: Знание, 1985. 80 с.
- Караганов С.А.* Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.
- Котляков В.М., Шупер В.А.* Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / Под ред. В.М. Котлякова и В.А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издат. дом «Кодекс». 2019. С. 357–372.
- Лавров С.Б.* Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. Вып. 4. С. 36–41.
- Лавров С.Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
- Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: типо-хромолит. А. Траншель, 1892. 132 с.
- Лапо А.В.* В.И. Вернадский: Pro et Contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за 100 лет (1898–1998). СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. 870 с.
- Лукин А.В.* Россия и Китай в Большой Евразии. – Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21.
- На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.
- Пилысов А.Н.* Разделённые полувеком: интеллектуальное влияние В.И. Вернадского на Л.Н. Гумилёва // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 92–102

- Поварницын Б.И. Вернадские и геополитика // Вест. Пермского национального исследовательского политехнич. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 4. С. 5–10.
- Пузаченко Ю.Г. Терминодинамическая основа учения о биосфере – ноосфере В.И. Вернадского (с 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 4. С. 5–19.
- Рябцев В.Н. Геополитическая проблематика в работах отца и сына Вернадских в годы гражданской войны на Юге России // Очерк к 100-летию начала Гражданской войны в России (1918–1922) / Ростов-на-Дону, 2018. 112 с.
- Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21.
- Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София. Российско-болгарское книгоиздательство. 1920. 81 с.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
- Чумаков А.Н. Ноосфера В.И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание // Вестн. МГУ. Сер. XXVII. «Глобалистика и геополитика». 2013. № 1. С. 27–37.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. РОССПЭН, 2007. 543 с.
- Шепелев В.В. Концепция ноосферы В.И. Вернадского // Вест. РАН. 2014. Т. 84. № 6. С. 514–518.
- Шупленков О.В. Проблемы периодизации евразийства // Белые пятна российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 50–66.
- Maisonobe M. et al. The global geography of scientific visibility: a deconcentration process (1999–2011) // Scientometrics. 2017. Т. 113. С. 479–493.
- Wuestman M.L. Hoekman J., Frenken K. The geography of scientific citations. Research Policy. V. 48. 2019. P. 1771–1780.
- Vinkler P. Correlation between the structure of scientific research, scientometric indicators and GDP in EU and non-EU countries // Scientometrics. 2008. Т. 74. №. 2. С. 237–254.
- White K. Publications Output: US Trends and International Comparisons. Science & Engineering Indicators 2020. NSB-2020-6 // National Science Foundation. 2019. 35 p.